

А.Ф. Белоусов¹
Санкт-Петербург

**АДДЕНДА К СТАТЬЕ В.Н. САЖИНА:
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ОБ АВТОГРАФАХ, ПОДАРЕННЫХ ДОБЫЧИНЫМ
РАКОВСКОМУ**

Автографы рассказов, подаренных Добычиным писателю Леонтию Раковскому, помогают понять историю создания этих текстов. Изменения в текстах иногда сводятся к замене отдельных слов и предложений, как это характерно для рукописей рассказов «Лекпом» и «Хиромантия» (первоначально называвшегося «Петров»), но могут быть столь серьёзными, что представляют собой раннюю редакцию текста (рассказ «Отец»). Особый случай – рукопись рассказа «Портрет», которая является источником его первой публикации.

Ключевые слова: Автограф, вариант, редакция, исправление, публикация.

A.F. Belousov
St. Petersburg

**ADDENDA TO V. SAZHIN'S ARTICLE:
TEXTOLOGICAL NOTES ON THE AUTOGRAPHS DONATED BY
DOBYCHIN TO RAKOVSKY**

Autographs of the short stories that Dobychin donated to writer Leontiy Rakovsky, advance our understanding the origin of these texts. Thus, our understanding of these issues is furthered by the new insights on the singular corrections in the short stories “Paramedic” and “Palmistry” (the latter was initially titled “Petrov”), the full text of the early revision of

¹ Александр Федорович Белоусов, кандидат филологических наук

the short story “Father,” and the recently discovered source of the first publication of the short story “The Portrait.”

Keywords: Autograph, version, redaction, correction, publication.

Обнаруженные В.Н. Сажиним в архивном фонде писателя Леонтия Раковского автографы нескольких рассказов Добычина дополняют наши представления о тонкой и тщательной работе писателя со словом. Вместе с тем они помогают лучше понять творческую историю этих произведений. Остановимся на каждом из них в том порядке, как рассказы Добычина упомянуты в статье В.Н. Сажина¹.

1. «Лекпом»

27 января 1930 года Добычин послал Раковскому рассказ «Лекпом». При этом он указывал, что *«еще никому»* его *«не показывал, а сам сразу после того, как написано»*, не может *«еще понять, годится ли»*. О том, что не всё в рассказе «годится», Добычин понял в тот же день. Он снова пишет Раковскому и просит того внести в рассказ две правки.

Одна из них касалась следующего абзаца:

Пили чай и тихонько говорили про город. – Интересная жизнь, – восхищался лекпом. – Я в месткоме, все билеты проходят через меня. – Мери Пикфорд играет прекрасно.

«Оказалось, – писал Добычин, – что <...> надо вычеркнуть “я в месткоме, все билеты проходят через меня”, что и умоляю сделать».

Едва ли Добычин подумал о цензуре: изображать членов месткома, хваставшихся своей властью и своими возможностями,

¹ Автографы рассказов «Лекпом», «Хиромантия и «Отец» – см.: ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1456; автограф рассказа «Портрет» – см.: ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1457.

кажется, не запрещалось. Дело в другом. Эта деталь отдаляет лекнома от телеграфистки и усугубляет разницу между ними. Оставляя ее «за кадром», Добычин ограничивается чисто психологической проблематикой.

Исключительно «на предмет улучшения «слога»», как выразился бы в данном случае Добычин [Ср.: Добычин, 2013, с. 269], направлена вторая правка, согласно которой Раковский должен был вставить слово «руками» в один из предыдущих абзацев рассказа:

*В комнатке было тепло. Мать дышала за ширмой. – Разбудить? – заглянув туда, вышла на цыпочках телеграфистка. – Нет, – помахал он галантно **руками** <выделено нами. – А.Б.>: – До поезда долго, пусть спит. – Оборачиваясь, она выкралась в кухню и стала греметь самоваром.*

Этими исправлениями дело не ограничилось.

При публикации рассказа «Лекпом» в журнале «Ленинград» настала очередь двух последних абзацев рассказа, которые в рукописи выглядели следующим образом:

– Вас знобит, – присмотрелся лекпом. – Вы простудились. Весна подкузьмила вас. – Нет, я здорова, – сказала она и застучала зубами: – Может быть, форточка. – Он оглянулся и повертел головой: – Закрыта. Наденьте пальто. Я вам дам потогонное. Надо беречь себя, одеваться как следует, после обеда лежать.

Она встала и начала мыть посуду, стучая о полоскательницу. Лекпом поднялся прошелся на цыпочках, взял со столика ноты, посмотрел на название и замурлыкал романс. Мать проснулась.

Изменения, происшедшие с «Лекпомом» в журнале «Ленинград», отчасти касаются деления его на абзацы. Отметим и исправления, которые внесены в него, по всей видимости, тоже «на предмет улучшения «слога»:

– Вас знобит, – присмотрелся лекпом. – Вы простудились. Весна подкузьмила вас.

– Нет, я здорова, – сказала она и застучала зубами.

*– Может быть, форточка. – Он оглянулся и повертел головой: – закрыта. Наденьте пальто. Я вам дам потогонное. Надо беречь себя, одеваться как следует, **перед выходом из дому – есть** <здесь и далее выделено нами. – А.Б.>*

*Она встала и начала мыть посуду, **стуча** о полоскательницу. Лекпом поднялся, прошелся на цыпочках, взял со столика ноты и замурлыкал романс. Мать проснулась [Добычин, 1930, с. 96]¹.*

2. «Хиромантия»

Еще проще оказывается творческая история рассказа, известного под названием «Хиромантия».

От автографа текст, опубликованный в журнале «Ленинград», отличает, по сути дела, только одна серьезная правка. Она касается разговора между героем и матерью героини. В рукописи мать вдруг говорит:

– Я насадила сало, – подняла она и показала мышеловку: – Уж теперь поймается.

Ее высказывание не связано с предшествующим разговором и потому кажется случайным и бессмысленным. Это характерно для добычинской прозы, имитировавшей «живую речь»¹. Однако в данном случае текст в журнальном варианте был дополнен и стал связнее и понятнее:

*– **Мышь одолела, – занимала его мать беседой: – Я на крюк в ловушке** <выделено нами. – А.Б. > насадила сало: уж теперь поймается [Добычин, 1930, с. 95].*

Вместе с тем главная особенность автографа рассказа заключается в другом.

Выясняется, что поначалу рассказ назывался «Петров». Это – фамилия его героя. В первом сборнике Добычина «Встречи с Лиз»

¹ См.: [Каргашин, 1998, с. 383-384].

пять из девяти рассказов названы фамилиями главных героев («Ерыгин», «Козлова», «Конопатчикова», «Савкина», «Сорокина»). Однако ко времени публикации рассказа «Петров» Добычин, как видно, начинает отказываться от привычной для него манеры называть свои произведения. Вслед за «Петровым», переименованным в «Хиромантию», придет очередь «Сорокиной». В сборнике «Портрет»

рассказ будет назван «Дориан Грэй». Любопытно, что вместо фамилий героев используются названия книг, играющих важную роль в их жизни.

3. «Отец»

Из рукописей, подаренных Л. Раковскому, этот автограф, безусловно, является самым неожиданным и наиболее интересным.

Он принадлежит к той особой и, по всей видимости, первоначальной редакции рассказа «Отец», которая известна по тексту, напечатанному в приложениях к основному корпусу Полного собрания сочинений и писем писателя [Добычин, 2013, с. 433]. Лишь в двух местах этот текст отступает от него, приближаясь к поздней редакции рассказа: так, в третьем абзаце – вместо *«заторопил отца»* – стоит *«заспешил отца»*; а в начале пятого деепричастный оборот *«срывая куртки»* заменен синонимичным ему *«сбрасывая куртки»*.

Основное же отличие автографа от указанного печатного текста заключается в его полноте. Он на треть длиннее варианта, опубликованного В.С. Бахтиным в Полном собрании сочинений и писем Добычина. Архив покойного исследователя недоступен, поэтому мы не можем судить о причинах ошибки В.С. Бахтина, посчитавшего дефектный текст законченным вариантом рассказа «Отец»¹.

Благодаря подаренному Раковскому автографу мы теперь точно знаем, что добычинский рассказ не завершился фразой *«Огоньки зажглись у станции и переливались»*. Кончилась строка, но не абзац и уж тем более не рассказ, записанный на семи четвертушках писчего листа.

Вот его продолжение:

¹ См.: Бахтин В.С. Примечания [Добычин, 2013, с. 533].

Солнце село. Звезд еще не видно было. Ангел над калиткой стоял темный.

– Вы подождите здесь, – сказал отец у липы. – Я приду. – Они уселись, сняв картузики, и взялись за руки. Жужжал комар.

Кусты сливались, черные. Верхи крестов высывались. Хмель светлея. Здесь отец остановился и снял шапку. Он зашел по поводу Любовь Ивановны и мяся. Как и что сказать?

А мальчуганам было страшно. Мертвые лежали под землей. А в церкви – они видели, когда ходили с матерью, – сидел деревянный бог, румяный, в настоящем бархатном халате с галуном и с настоящей бородой. – Стук, стук, – вдруг застучат по каменному полу деревянные шаги, и деревянная рука просунется в окно без стекол. Стало хорошо, когда пришел отец.

Приятно было идти улицами, мягкими от пыли. Фонари горели кое-где. Ларьки светились. Балалайки тренькали. Футбольщики кричали, возвращаясь с поля. – Что для вас? – внушительно спросил ларечник. – Дайте нам по прянику, – велел ему отец.

Между этим отрывком и текстом, опубликованным в сборнике «Портрет», есть целый ряд разночтений:

<i>Ангел над калиткой стоял темный. →</i>	<i>Ангел над калиткой потемнел</i>
<i>Жужжал комар. Верхи крестов высывались.</i>	<i>→ Пицал комар. Верхи крестов высывались из них</i>
<i>и снял шапку. и мяся. Как и что сказать?</i>	<i>и стоял без шапки. и мяся: как и что сказать?</i>

Однако самым существенным, безусловно, является удаление детских воспоминаний о деревянной культовой скульптуре,

находившейся в действовавшей кладбищенской церкви. Вместо возникшего на их основе зловещего образа «деревянного бога» (что, вероятно, и помешало публикации ранней редакции рассказа «Отец»), осталось лишь ощущение опасности, исходящей от некоего, весьма неопределенного устрашителя: *«В разбитое окошко церкви кто-нибудь мог выглянуть, рука могла оттуда протянуться»* [Добычин, 1931, с. 76].

Изменения коснулись и последнего абзаца рассказа:

<p><i>Балалайки тренькали. Футбольщики кричали, возвращаясь с поля. – Что для вас? – внушительно спросил ларечник. – Дайте нам по прянику, – велел ему отец.</i></p>	<p><i>Во дворах хозяйки разговаривали с чинными коровами, пришедшими из стада. В городском саду пожарные отхватывали вальс</i></p> <p><i>Отец купил сигару и два пряника Молчали, наслаждаясь.</i></p> <p>[Добычин, 1931, с. 76].</p>
---	---

Ограничимся лишь указанием на образующийся повтор. Дело в том, что о коровах уже упоминалось, причем во всех вариантах рассказа: их, идущих *«по берегу, отвечиваясь в речке»*, видят герои, возвращающиеся с купания домой. Выстраивается еще один мотивный ряд: параллельный фабульному, он расширяет семантическую перспективу текста, способствуя «символическим и даже аллегорическим прочтениям» рассказа¹.

4. «Портрет»

Автограф рассказа «Портрет», на первый взгляд, не представляет особого интереса. Он почти повторяет текст первой публикации рассказа в журнале «Стройка» [Добычин, 1930, с. 7-8]. Изменений всего лишь одно:

¹ См.: [Маслов, 2007, с. 5].

— Пушкин, — разговаривали впереди. → — Пушкин, — похохатывая, разговаривали впереди.

Гораздо серьезнее изменился внешний вид текста. В журнальной публикации отсутствуют ударения, характерные для добычинской прозы, зато появляется разрядка, с помощью которой выделяются песенные тексты (в том числе и фрагмент церковного песнопения), некоторые объявления и, наконец, топоним «у л и ц а М о с к в ы».

«Идея этой улицы та, что она была просто Московская, но ее переименовали по случаю революции», — писал Добычин 17 ноября 1929 г. М.Л. Слонимскому, советуясь, как подчеркнуть необычность ее

названия [Добычин, 2013, с. 300-301]. В журнале «Стройка» для этого воспользуются разрядкой.

Однако в тексте, подаренном Раковскому, топоним никак не выделен.

Не потому ли, что автограф относится ко времени, когда писатель еще не придавал этому особого значения?

Из уже цитировавшегося письма Добычина Слонимскому от 17 ноября 1929 г. следует, что рассказ «Портрет» существовал в двух вариантах. Один из них, более ранний, был послан В.А. Каверину. О другом, законченном к середине ноября, Добычин сообщал Слонимскому и просил того заменить им «каверинский» экземпляр, который называет «неокончательным», потому что «в нем есть плохие места» [Добычин, 2013, с. 301].

Отсылая автограф «Портрета» Раковскому, Добычин пишет: *«Этот раритет в таком несвежем виде потому, что трепался по серапионовским карманам, и я только вчера вынул его для Вас».* Это подтверждает, что перед нами более ранний, «неокончательный» вариант рассказа.

В таком случае встает другой вопрос: почему «Портрет» был напечатан не по «окончательному» тексту, хотя и с выделением «у л и ц ы М о с к в ы»? Возможно, что это произошло потому, что у Слонимского, который был членом редколлегии «Стройки» и, по-

видимому, пристраивал рассказ в журнал, под рукой был «каверинский» экземпляр. Из переписки с Добычиным Слонимский помнил о проблеме «у л и ц ы М о с к в ы», поэтому и постарался выделить этот топоним.

Обращаясь к дальнейшей истории рассказа, отметим, что его следующая публикация [Добычин, 1931, с. 95-109] содержит свыше десяти исправлений и дополнений. Можно предположить, что при подготовке данной публикации использовался более поздний, «окончательный» вариант рукописного текста.

Если наша догадка верна, то из этого в свою очередь следует, что история печатного текста не продолжает, а как бы дублирует историю рукописного текста рассказа «Портрет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.

Добычин, Л.И. Рассказы: Пожалуйста. Хиромантия. Лекпом / Л.И. Добычин // Ленинград: Ежемес. лит.-худож. журнал. – 1930. – № 3. – С. 93–96. [Пожалуйста. – С. 93–94; Хиромантия. – С. 94–95; Лекпом. – С. 95–96].

Добычин, Л. **Портрет:** Рассказ / Л. Добычин // Стройка. – 1930. – 31 марта (№ 3). – С. 7–8.

Добычин, Л. **Портрет:** Рассказы / Л. Добычин. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Обложка М. Кирнарского, 1931. – 110 с.

Каргашин, И.А. Тынянов и Добычин (к истории одной пародии) / И.А. Каргашин // Тыняновский сборник. Вып.10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. – М., 1998. – С. 383-384.

Маслов, Б.П. О двух типах письма в рассказах Л. Добычина / Б.П. Маслов // Добычинский сборник – 5. – Даугавпилс, 2007. – С. 5–23.